

Цзин Ли протянул палец. Котёнок робко посмотрел, мяукнул и, дрожа, подошёл поближе, осторожно лизнув кончик.

Цзин Ли защекотало, и он рассмеялся:

— Кажется, я ему нравлюсь. Он появился в мой редкий выходной. Назову его Sunday. Будешь Sunday, малыш.

Котёнок, возможно, проголодался, и продолжал увлечённо лизать палец. Цзин Ли ничуть не возражал, и они оба, человек и зверёк, были совершенно счастливы.

Э Цзяо понаблюдал за ними и вспомнил о цели визита:

— Так... ты ещё на меня сердишься?

Цзин Ли замер. Ответа не находилось.

На самом деле, после прошлого визита Э Цзяо он долго размышлял: на что он злится? Э Цзяо не изменился. Его внезапная обида, быть может, была из-за того странного сна.

Он злился на себя: упал в обморок, и даже во сне ему явился Э Цзяо, а тот в ответ отмахнулся.

Кроме бабушки и Нью Усе, Э Цзяо был единственным, кто в трудную минуту вставал на его защиту. Пусть даже Э Цзяо, возможно, что-то от него хотел, но злого умысла Цзин Ли не чувствовал.

«Пусть будет просто благодетелем», — решил тогда Цзин Ли.

Цзин Ли слабо улыбнулся, склонив голову набок:

— В прошлый раз я был не в духе, не выспался. Это моя проблема, не твоя.

Э Цзяо хотел было сказать: «Главное, что сейчас понял», но вспомнил наставления Лэй Цзюня — это, мол, такая хитрость, «отступление для прыжка», — и насторожился. С трудом подбирая слова, ответил:

— Я тоже был неправ. Давай просто забудем.

Цзин Ли кивнул.

Простодушный Э Цзяо решил, что на этом всё и кончилось. Видимо, Лэй Цзюнь не до конца объяснил: иногда слова надо понимать с точностью до наоборот.

Лишь когда его, не пригласив на ужин, вежливо проводили до двери, Э Цзяо почувствовал, что что-то не так. Что именно — сказать не мог.

Следующие несколько дней Цзин Ли, кроме съёмок в шоу, провёл дома с Sunday: обустроив ему лежанку, купал всякую всячину. Пока не пришло уведомление о возвращении в съёмочную группу.

В первый день возвращения он нервничал. Из-за его обморока группа даже пересняла график, давая ему отдохнуть. Каково же было его удивление, когда на площадке для него устроили небольшой приём.

На приёме Цзин Ли искал Е Юньяня, чтобы поблагодарить.

В конце концов он нашёл его в углу. Е Юньянь, нахмурившись, внимательно читал газету. Цзин Ли стало интересно, что же там такого, приподнялся на цыпочки и украдкой заглянул через плечо.

Заголовок гласил: «Женщина убита ночью». Фотография жертвы казалась знакомой.

Е Юньянь сжимал газету так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Цзин Ли, всё ещё стоя на цыпочках, в душе посетовал, что его метр восемьдесят вдруг стали бесполезны, но, прочитав заголовок, отвлёкся.

«Женщина убита ночью» — кричащий заголовок.

Но внимание Цзин Ли привлекла не он, а фотография. Из-за неудобной позы он не мог рассмотреть её как следует.

Медлить было нельзя. Он подошёл к Е Юньяню, но тот, заметив его, в панике смял газету и сунул за спину.

Цзин Ли: «...»

Е Юньянь: «...»

Наступила тягостная пауза.

Первым опомнился Цзин Ли:

— Вообще-то... я стоял сзади и хотел пошутить, напугать тебя. Так что... я уже видел эту новость.

Смушение мелькнуло и исчезло. Е Юньянь с обречённым видом достал из-за спины газетный комок, старательно разгладил его и протянул Цзин Ли:

— Раз уж видел... не буду скрывать. Смотри сам. Дело ещё расследуется.

Цзин Ли лишь хотел сказать, что девушка на фото показалась ему знакомой, но вспомнить, кто это, не мог. Однако реакция Е Юньяня ясно говорила: дело касалось его лично.

Прочитав статью, он понял, почему та была так взволнован. Жертва и вправду была связана с ним — одна из тех трёх девушек, которых подкупила Цици.

Порядок в городе Лоань всегда был образцовым, и такое происшествие само по себе шокировало. А поскольку жертвой была юная девушка, слухи разнеслись мгновенно. Вскоре находчивые сетевые сыщики выяснили: убитая — одна из тех, кто присутствовал на пресс-конференции Цзин Ли и публично признался, что их подкупила Цици.

«Кибер-детективы» снова взялись за дело. Основных версий было две:

1. Убийство связано с Цици — та решила отомстить.
2. Убийство связано с Э Цзяо — тот заставил девушек оговорить себя, а потом устранил свидетелей. Среди сторонников этой версии некоторые считали, что Э Цзяо действовал в

сговоре с Цзин Ли.

Прочитав новость, Цзин Ли не знал, какое у него сейчас лицо. В полубессознательном состоянии он отошёл от Е Юнъяня, прошёл сквозь толпу и, оказавшись в безлюдном месте, наконец смог глубоко вдохнуть, чтобы справиться с ощущением удушья.

Группа и так отстала из-за его обморока, поэтому приём устроили в обед — просто как жест вежливости и поддержки. Как только обеденный перерыв закончился, все вернулись к работе.

Следующие два дня были целиком отведены под съёмки сцен с Цзин Ли.

Пообедав и переодевшись в костюм, Цзин Ли постарался очистить разум, отбросить только что увиденное и погрузиться в роль.

После того случая, когда он «перенёсся» во сне, в нём словно что-то щёлкнуло. Сегодня, облачившись в костюм и пройдясь по площадке, он вызвал тихие возгласы одобрения. Весь его облик — истинная «бессмертная статья» — идеально совпал с образом учёного-философа, каковым и должен был быть его персонаж.

Начали снимать. Чтобы помочь ему войти в роль, первой поставили простую сцену из повседневной жизни. Партнёром Цзин Ли выступил юный актёр, игравший в детстве персонажа Е Юнъяня. Цзин Ли же нужно было просто сидеть за столом, погружённый в рисование, пока его приёмный сын тренировался с мечом во дворе.

Казалось бы, просто. Но именно такие сцены требуют от актёра глубины.

Эпизод, пожалуй, был одним из немногих тёплых моментов во всей картине. Чем уютнее и безмятежнее он будет сейчас, тем сильнее ударит позже, когда персонаж Е Юнъяня совершит отцеубийство. Поэтому важно было передать то тихое, глубинное чувство, что таилось под спокойной поверхностью.

Цзин Ли использовал время отдыха, чтобы ещё раз досконально изучить роль.

Его герой был не так прост, как казался. Он был умен, терпелив, решителен. Ради сомнительного плана он мог ждать десятилетиями, мог вложить всю душу в воспитание приёмного сына, чтобы в итоге расколоть страну междоусобицей и захватить власть. Всё это было частью его грандиозной стратегии.

Такой человек не мог не предусмотреть путей к отступлению.

Будь у него воля — он нашёл бы тысячу способов выжить. Но в конце он выбрал тихо ждать смерти — ждать, когда приёмный сын собственноручно её принесёт.

Прозвучало: «Камера! Мотор!» — и Цзин Ли почти мгновенно вошёл в образ.

Одной рукой он придерживал широкий рукав, другой водил кистью. Солнечный свет, пронизывая просторные одежды, делал его фигуру ещё более хрупкой.

Он был поглощён письмом. Время от времени непокорная прядь волос соскальзывала на плечо, но он, целиком уйдя в процесс, не замечал этого. Ленивый сквозняк пробежал от окна, подхватывая с пола упавший лист бумаги и гнал его к двери, за которой приёмный сын упражнялся с мечом.

Мальчик, обливаясь потом, старательно размахивал тяжёлым деревянным клинком, не издавая ни звука жалобы. Лишь когда случайно отскочивший камешек больно ударил его по лбу, он невольно крикнул от боли.

Казалось, ничто не могло отвлечь отца от работы, но едва раздался этот сдавленный звук, его брови слегка дрогнули. Кисть замерла, оставив на бумаге жирное чернильное пятно.

Однако отец не двинулся с места. Лишь когда за дверью вновь зазвучали размеренные взмахи мечом, он снова принялся за работу. Кляксу он превратил в сучок бамбука, добавил несколько веточек.

Вся сцена прошла без единой реплики. Режиссёр, приготовившийся снимать дубль за дублем, был поражён — как, впрочем, и Е Юнъянь, наблюдавший за монитором. Трудно было поверить, что Цзин Ли, впервые снимаясь в кино, способен на такую игру.

<http://bllate.org/book/15943/1425109>